

Чечитов А. А.

У старой церкви

16+

Александр Александрович Чечитов

У старой церкви

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41611827

SelfPub; 2019

Аннотация

Жаркие лучи июльского солнца плавят пыльный асфальт разбитой сельской дороги, лежащей между одноэтажными деревянными домами. Закручиваясь в раскаленные, прозрачные спирали, воздух волнами взмывает вверх от горячей черепицы покатых крыш. Заскучав в эту пору, время решило разыграть здесь жестокий спектакль со старшеклассником Максимом Стекловым. Представление удалось. Разбуженные страхом и сомнениями мрачные чувства юноши вырвались наружу из темных лабиринтов души. С этого дня Макс больше никогда не будет таким как прежде.

Лунный свет обтянул тонкой пленкой, лимонного цвета массивные, старые мраморные камни. Раскаленные дневным, июльским солнцем, теперь они остывали, отдавая тепло сумеркам. Густая, липкая духота наполняла воздух. В высокой, сухой траве затянул первые ноты своей мелодии крошечный сверчок. Макс запнулся о выдернутую плитку, с трудом удержавшись на ногах. И тут же, перебивая друг друга, с разных сторон, полились пронзительные, свистящие перебивы.

– Это всего лишь насекомые, – прошептал Макс, смахивая выступившие на лбу соленые капли. Днем, когда с одноклассниками шел из школьного лагеря, он и не думал идти к старой церкви. Как обычно возвращаясь, по сельской дороге, просыпанной крупным щебнем ребята смеялись, бросая камешки перед собой. Справа от Макса пружинистым шагом двигался Антоха. Его полное лицо, покрыла испарина, а одежда, пропиталась потом. Он болтал о всякой чепухе. Макс то отставал, то перегонял его, украдкой поглядывая на желтоволосую девочку, шедшую с другого бока, за Антоном. Невысокого роста, с тоненькой, хрупкой талией, ну просто воробушек в женском обличии... Улыбающаяся Лана в своем зеленом платье, с маленькой родинкой над уголком верхней губы, казалась Максиму самой красивой во всем мире. Она жила через две улицы от него, вдвоем с мамой, в рубленом из крупного бруса домике. Обычно Макс первым отводил взгляд, если в классе Лана вдруг что-либо спраши-

вала у него, а когда девочка смеялась, сердце совсем отказывалось слушаться. Макс не верил в истории Антона, считая все выдумкой. Но он не мог ни заметить, как жадно слушала эти небылицы Лана, и злился на себя, что не умеет так искусно врать. В этот раз Антошка, приняв полусерьезное выражение лица, рассказывал о заброшенном кладбище, лежавшем в десяти минутах ходьбы от окраины села. О том что, во времена правления царя, в центре этого самого погоста, стоял добротный отстроенный храм. Церковные служители лишь иногда заезжали сюда, для проведения религиозных обрядов. А вот смотрителем являлся, старый, изветшалый монах. При встрече с односельчанами он отводил серые, впалые глаза в сторону, никогда не здороваясь и не прощаясь. Местные побаивались странного человека. А поставил его, судя по слухам на это место преставившийся богу почти сразу после назначения батюшка. То есть оставался для всех загадкой, сгорбленный, нелюдимый монах.

Стали в деревне пропадать девушки молоденькие, причем только в летнюю пору. Барин почти не обращал внимания, списывая это обстоятельство то на побег, или еще на что-то. Не имея надежды и желая отыскать крепостных. Но однажды пропала и его дочь шестнадцатилетняя Марфа. От края до края перевернули село, да так и не отыскали её. Горевал барин, заливая беду беленькой водочкой. Три недели не просыхал, а потом как то резко остановился. Задумался. Люди посчитали, что успокоился пожилой барин, Самсон Панте-

леевич, кажется, звали его. А для него не было другой думы, как отыскать кровиночку свою. Не надеясь ни на кого кроме себя, Самсон бродил днями и ночами, высматривая, сам не зная чего. Решил барин за тем монахом последить, и заметил, что монах-смотритель в саду, у церкви нянчиться с гортензиями да другими цветами уж очень усердно, порой, не выбираясь, целый день оттуда. С той поры, ходил задумчивый Самсон, чувствуя то, что нельзя словом описать. Проснулся весь, дрожа, Самсон Пантелеевич в полночь, на сороковой день как пропала Марфа. Лежал, переворачиваясь и вздыхая. Уснуть не мог. Отыскав в хозяйстве лопату, он захватил с собой ещё масляной фонарь и отправился к тому самому саду при церкви кладбищенской. Осторожно подкрадываясь к изгороди, Самсон вглядывался в темные каменные силуэты. Наконец забравшись внутрь сада, он выдохнул. Тишина и спокойствие царили на последнем людском пристанище. Вскопывая дорожки и землю у деревьев, Самсон уже начал ругать себя за глупую, пустую подозрительность. Поставил он свой фонарь, у шаровидной, благоухающей гортензии и присел отдохнуть. Пожилую спину ломало от непривычной работы. Уходить собрался. С яблоневого дерева слетел жирный жук. Прожужжав букашка, ударилась о лоб Самсона и упала возле фонаря. Только тогда барин обратил свой взор на пару нитей солнечного оттенка, выступающих из под зеленого ствола цветка. Вонзив острие инструмента, Самсон яростно отбрасывал в сторону влаж-

ную, рыхловатую почву. Лучше бы не видеть ему, то, что он раскопал. Осветив тусклым светом фонаря, свежую яму, барин схватился за грудь. Его малышка, его маленькая девочка, правильнее сказать её останки, искорёженные и выпотрошенные, лишили барина чувств. Уголки губ старого Самсона тяжело опустились. Сухой, горячий комок запылал в горле. Тяжелый, искусно отлитый фонарь со звоном влетел в окошко кладбищенской церкви. Разбитое на тысячу частей, стекло устремилось вниз, рассекая разрисованное морщинами лицо Самсона. Узкие струйки, потекли по дряблой шее, окрашивая в пурпурные цвета ворот его рубашки. Самсон рычал. Яркие языки пламени вскоре пожирали деревянные внутренности каменной церкви. Став у единственного выхода, барин ждал, сжимая в руках тяжелую стальную лопату. Но монах не появился. Из бело-красного облака обнявшего здание, послышался жуткий, скрипучий смех, да такой что кровь в жилах Самсона похолодела. Утром у остатков тлеющего храма, в саду раскопали двадцать тел. Зверь обычно разрубал их теплыми, непроглядными ночами от шеи до живота, поедая внутренности. Насладившись кровавой трапезой, прятал в землю, высадив сверху свои цветы.

Улыбка на губах Ланы растаяла без следа, а Макс вообще молчал, глубоко зарывшись в печальных мыслях. Довольный вызванным впечатлением от своего рассказа, Антоха попрощался с ребятами и свернул на перекрестке в сторону дома.

Медленно вышагивая, Лана рассматривала синюю бездну

раскинувшуюся над головой, накручивала хвостики косичек на пальчики.

– Ты веришь в эту историю?– прервала неловкое молчание девочка.

– Мне кажется это ерунда, – скомкано ответил Макс.

– Боишься? – улыбнулась Лана.

– Ни сколько! В полночь принесу тебе цветок оттуда, – выкрикнула уязвленная гордость, раньше, чем Макс успел подумать.

Бледные лучи небесного спутника земли, нежно обняли высокое, кирпичное здание. Угольно – серая тень, растекалась от его прохладных стен, и нависла облаком над умирающим садом. Под сандалиями хрустели окостеневшие, хрупкие прошлогодние листья. Кожа поднималась сотнями ледяных бугорков, а сердце, сбившись, пробовало поймать ритм. Макс ругал себя, за неосторожное обещание. Он продолжал идти, зарекаясь впредь быть аккуратнее со словами. Но это потом. В эти секунды воображение придавало темным краскам свое, изошренное, таинственное значение. Мальчику казалось: раскачиваясь и дрожа кресты, еле сдерживают силы пытающиеся выбраться из под них наружу. Лопнув в сжимающих кулаках, зеленое тельце стряхнуло сладкую пыльцу с мягких лепестков. Макс густо чихнул. В глубине сада, за черным занавесом ночи хрустнула ветка. Мальчик подпрыгнул. Молодые ноги перескакивали одну за другой кованые оградки. Перемахнув ржавые, скрипучие ворота Макс

запнулся. Дорожная пыль забила ноздри, а в висках дико стучало. – Удача! – выдохнул Макс, ещё не успев встать. На ладони лежала потрепанная, благоухающая гортензия. Легкий камешек, прошелестев в воздухе, звонко щелкнул по стеклу. Створка окна неслышно распахнулась, глухо клацнув о заскорузлый косяк.

– Чего тебе? – узнав стоящего в паре метров от дома Макса, спросила Лана.

– Как обещал. Цветок принес! – радостно отвечал мальчик, ожидая похвалы.

– Иди домой дурак, – разозлилась девочка, – разбудил из-за пустяка.

Лучи раннего июльского солнца, медленно просочились меж перепачканных створок открытого нараспашку окошка. Теплые, серебристые искры играли в распущенных, девчачьих кудрях.

Невысокая, худощавая фигура тихо приоткрыла дверь в детскую. Женщина вернулась пораньше с ночного дежурства в больнице, чтобы разбудить дочь в лагерь. Задрожав, её ноги подкосились. Потеряв равновесие, она распласталась на бархатном ковре, украшенном россыпью красных капель.

– Дай ещё одну? – без конца поправляя неудобную фуражку, попросил у напарника сигарету полицейский. За двенадцать лет работы в органах ему не приходилось видеть подобного зверства. Развороченная, пустая детская грудь, выбитые глаза, смешались в одно жуткое воспоминание.

– Вечером нажрись, – сплюнув на примятую траву, матерый оперативник пошел обследовать место преступления.

Дело осталось не раскрытым. Похоронив Лану в закрытом гробу, люди в селе потихоньку стали забывать о случившемся. А под окном Ланы, безжалостно избитая осенними дождями лежала надломленная, потускневшая гортензия.

Присев на корточки, Макс провел затуманенным взглядом по обнаженным верхушкам деревьев. В тусклом, вечернем небе они, сбросив последние листья, походили на серые, ссохшиеся руки мертвецов.

– Осенью природа ненадолго умирает, чтобы жизнь забурлила весной с новой силой. Так и я должен отпустить жгучие чувства, чтобы опять встретить любовь – оскалив зубы в едкой ухмылке, прошептал Макс. Только неспешное, слабое журчание речки, под мостиком на котором он остановился, стало нечаянным свидетелем, того что произошло дальше. Из разжатых пальцев в холодную, мутную воду выскользнуло увядшее, съезженное сердечко любимой.